

Он говорил так тихо, что едва слышал сам себя, но эти слова отчетливо прозвучали в ушах Цинь Бучжоу, заставив юношу замолчать.

Цинь Бучжоу попытался улыбнуться, как делал это обычно, но под пристальным взглядом юноши уголки его губ так и не дрогнули:

— Но ведь говорят, если любишь человека, то отдашь ему всё, чего бы он ни пожелал.

Сяо Лосюй ответил серьезно:

— Империю я тебе отдать не могу, — он нахмурился. — У тебя нет способностей к управлению. Если тебе так уж хочется... я могу тебя научить.

Дело было не в жадности. Просто управление страной и командование армией — совершенно разные вещи. Цинь Бучжоу был прекрасным полководцем, но совершенно не годился в правители: характер слишком прямой, он не желал вникать в дворцовые интриги, и рано или поздно кто-нибудь обязательно воспользовался бы его неопытностью. Наводнение в Хучжоу было тому лучшим примером.

Покойный император учил его жизни, Сюэ Чжэнхуань — государственному управлению, а Цинь Бучжоу — как сокращать врагов. Никто никогда не учил Сяо Лосюя, что значит любить, но он верил, что это прекрасное слово, точно такое же, как и чувства, которые дарил ему Цинь Бучжоу.

Если бы он ради любви отдал империю на растерзание, он не имел бы права называться правителем и рассуждать о любви.

Сяо Лосюй обнял Цинь Бучжоу за плечи, поглаживая старые шрамы на его жилистой спине, и потерся пушистой головой о его щеку и висок:

— Кроме этого, всё, что у меня есть — всё для тебя.

Даже в этой темноте, где Цинь Бучжоу не видел ни света, ни самого себя, он точно знал: выражение лица юноши сейчас невероятно, бесконечно серьезно. Он закрыл глаза, в голове царил хаос, и, не желая больше себя сдерживать, он склонил голову, окутывая Сяо Лосюя своим горячим дыханием. Подхватив юношу под поясницу, он накрыл их обоих одеялом.

В просторных покоях стоял тяжелый, влажный от пота воздух, а за окном не переставая лил дождь. От подушки пахло смесью масла для волос и тонким ароматом сливы, в то время как снаружи, в грязи, лежали опавшие белые и красные лепестки, а кровать жалобно скрипела. Слияние тел, плохая звукоизоляция, а за стеной доносились печальные крики неизвестных птиц, которые сквозь шум дождя казались особенно скорбными.

В эту ночь, полную безумия и нарушения всяческих устоев, движения Цинь Бучжоу нельзя было назвать нежными, но Сяо Лосюй не чувствовал той невыносимой боли, что осталась в его воспоминаниях. Вместо этого пришла усталость — глубокая, проникающая в самую душу. Казалось, эта усталость жила в нем давно, давя на хрупкие плечи юного императора сквозь барьеры миров.

Цинь Бучжоу, не смей оставлять меня. Сяо Лосюй вцепился в простыни, уже не в силах выразить хоть какую-то эмоцию, но, пока тело отдавалось наслаждению, разум сохранял крупную ясность. Он обнял Цинь Бучжоу, прижимаясь к нему всем телом, желая никогда больше не расставаться.

Ты мой, ты должен быть со мной всю жизнь... даже если кости превратятся в прах, ты обязан вечно стоять на страже у моей могилы.

Император не знал, как удержать генерала, и мог лишь таким способом выразить свои чувства. На следующее утро, когда забрезжил рассвет, генерал разорвал толстые цепи, подхватил на руки императора, которому присягнул на верность, и впервые вышел из клетки, что стала для него родным домом, ступая по устланной опавшими цветами сливы земле.

Как бы то ни было, они необъяснимым образом помирились.

Старое дерево в императорском саду расцветало и давало побеги, маленький император стремительно рос, превращаясь в несравненного красавца. Лишь его персиковые глаза, сиявшие прежним блеском, хранили следы прошлого.

Когда императору исполнилось двадцать лет, генерал-регент Цинь Бучжоу, долгое время отсутствовавший, лично возложил на него венец.

Это была беспокойная осень.

Сильное северное государство, давно вынашивавшее планы по захвату Да Юэ, решило действовать постепенно, изматывая силы противника ежегодными стычками на границе. Однако вскоре после того, как юный император Сяо Лосюй взял власть в свои руки, Да Юэ, прежде казавшееся слабым и увядающим, вдруг начало подавать признаки возрождения.

Чтобы не упустить момент, северяне решили напасть, надеясь покончить с Да Юэ одним ударом.

Цинь Бучжоу, пребывавший в покое, узнал об этом, когда прижимал к себе правителя страны, развлекаясь тем, что заплетал его длинные, как черный шелк, волосы в два хвостика.

Услышав новость, Цинь Бучжоу просиял, а его непослушный вихор на макушке даже забавно дернулся:

— Ваше Величество, Ваше Величество! Позвольте мне возглавить армию!

Сяо Лосюй промолчал:

— ...

Тяжело вздохнув, он потянул его за собой:

— Если хочешь ехать — это хорошо, но придумай хоть какой-нибудь благовидный предлог.

Цинь Бучжоу тут же выпалил:

— Правитель правит страной, а подданный охраняет границы.

На самом деле у него просто чесались руки. За все эти годы их отношения с Сяо Лосюем оставались странными: то ли любовь, то ли просто постельная связь, но основная цель так и не сдвинулась с места.

Будучи диким конем, запертым в имперской столице, он не мог развернуться в полную силу даже в драке. Цинь Бучжоу хотел на север, где можно было бегать, прыгать и кричать во весь голос. Любимое поле боя было лучшим выбором.

Сяо Лосюй молча смотрел на него. Мужчине было тридцать, он сам уже достиг совершеннолетия, и теперь ему не нужно было задира́ть голову, чтобы смотреть на него, как четыре года назад:

— Я буду ждать возвращения генерала с победой.

Цинь Бучжоу ответил:

— Не подведу ожиданий Вашего Величества.

Слова были полны почтения, но в глазах его плясали смешинки, когда он протянул руку и растрепал волосы юноши.

На границе свистел ветер, на ветру полоскались знамена с драконами. Кони летели, словно молнии, а тетивы луков звенели, как гром.

— Вышвырнем этих шакалов, посягнувших на величие Да Юэ, обратно в их логово! Есть уверенность? — адъютант генерала прошел вдоль рядов готовых к бою солдат.

— Есть!

Адъютант обернулся к генералу в серебряных доспехах, дождался кивка и махнул рукой:

— Вперед!

Холодный блеск прорезал ночь. Генерал бросил взгляд на юг — в сторону имперской столицы — и, ударив коня, бросился в гущу боя.

— Это отряд Цинь Бучжоу!

— Держать строй!

— Черт, не успеем! Тот генерал впереди несется как бешеный! Не остановить!... Это Цинь Бучжоу!

— Да он спятил?!

Кровь окрасила желтые пески. Среди криков и лязга стали Цинь Бучжоу разил врагов, двигаясь по полю боя с легкостью божества, а в его ясных глазах застыло пугающее равнодушие.

Великое Цинь славилось своей обороной, но Цинь Бучжоу мастерски находил слабые места. Даже малейшая ошибка в глазах Цинь Бучжоу превращалась в брешь. Он не только шел в авангарде, но и руководил войсками, пронзая вражеский строй, словно ледяной клинок. К рассвету неприступная крепость врага была сломлена.

Битва длилась от глубокой ночи до самого рассвета. Да Юэ удалось отбить последний захваченный город, но цена была высока. Усталые солдаты, не успев даже отпраздновать победу, валились с ног от сна. В красном шатре генерал в серебряных доспехах и белых одеждах подпер подбородок, глядя на разложенный на столе лист бумаги.

После ночного боя под глазами Цинь Бучжоу залегли тени, на щеках остались капли пота и брызги крови, но когда он взял в руки кисть, его тонкие черты лица в утреннем свете казались

неземными.

Вэй Чу, растиравший тушь, спросил:

— Кому генерал пишет письмо?

— Императору.

Уголки губ Цинь Бучжоу слегка приподнялись. Окунув кончик кисти в тушь, он уверенным почерком вывел строки. Его точки напоминали падающие камни, штрихи — летние облака, а крючки — холодное оружие.

В отличие от большинства генералов, чьи записи напоминали каракули, почерк Цинь Бучжоу был безупречен. Вэй Чу искренне восхитился:

— У генерала прекрасный почерк.

Однако, услышав ответ, он слегка нахмурился. Кое-какие вещи Цинь Бучжоу не выставлял напоказ, но его верные люди обо всем догадывались.

Чиновники знали лишь о близости императора и генерала, прощая даже то, что тот в свое время единолично захватил власть, но Вэй Чу понимал: именно Цинь Бучжоу первым пошел на уступки.

Он отказался от власти, которая была у него в руках, добровольно обрезал себе крылья ради желаний императора, а теперь, когда запахло гарью, облачился в доспехи и отправился на границу с телом, лишенным былой мощи.

Чувствам двух мужчин не нужны были слова. Но Вэй Чу прекрасно знал, что с древних времен императорский дом был безжалостен.

Говорят, служить императору — что играть с тигром. Он боялся, что искренность молодого правителя по отношению к Цинь Бучжоу однажды истощится в бесконечных дворцовых интригах.

— Я не вправе судить, что делает генерал, — промолвил Вэй Чу. — Лишь хочу, чтобы вы не обижали себя.

В то время как Цинь Бучжоу мчался по полю боя, в императорском кабинете горел свет. Юный император сидел за столом, листая доклады и не переставая ставить печати.

Евнух Ван принес чашу горячего отвара для сна и посоветовал:

— Ваше Величество, может, отдохнете... Генерал Цинь, если бы он был здесь, не хотел бы, чтобы вы работали днями и ночами.

Услышав имя Цинь Бучжоу, Сяо Лосюй поднял голову. Поджав губы, он взял чашу из рук евнуха.

— Я понял, — тихо ответил он.

Секретные донесения последних дней постепенно сменялись победными реляциями, и нахмуренные брови Сяо Лосюя наконец разгладились. Хотя он и отпустил Цинь Бучжоу на границу, в душе его не было спокойствия.

Несмотря на то, что он знал о силе генерала, невозможно было не тревожиться.

Сяо Лосюй беззвучно вздохнул, глядя сквозь стены и крыши дворца далеко на север.

Цинь Бучжоу не знал, что в далекой столице кто-то долго вглядывается в редкие письма, приходящие с фронта, и кладет их под подушку, чтобы хоть немного поспать.

Закончив отчеты и письмо для маленького императора, он принял холодный душ, лег на кровать и мгновенно провалился в сон.

Спустя некоторое время после того, как в шатре раздался храп, маленькая рука бесшумно потянулась из-под кровати к его поясу.

Цинь Бучжоу резко открыл глаза, схватил руку и швырнул человека на пол. Глядя на искаженное от боли лицо, он усмехнулся:

— Тринадцатый принц, давно не виделись?

Он почувствовал присутствие чужака, едва вошел в шатер. Тот умел скрываться, но чувства Цинь Бучжоу давно превзошли человеческие пределы.

Тот не разозлился, а лишь изящно изогнул бровь и, ухмыльнувшись, прильнул к Цинь Бучжоу:

— Благодарю генерала за внимание...

Тринадцатый принц Великого Цинь, назначенный защитником последнего города. Двадцатилетний юноша, самый отважный и жестокий из всех принцев, обладал невероятно красивым и женственным лицом.

Великое Цинь было могущественной страной. Каждый раз, когда к ним прибывали послы, Цинь Бучжоу отвечал за их прием, и этот принц всегда был в их числе.

Тринадцатый принц всегда недолюбливал Сяо Лосюя и однажды на банкете попытался ударить его кнутом, но тот невозмутимо уклонился.

— Генерал говорил, что не вернется на поле боя, почему же нарушил свое слово? Неужели Сяо Лосюй расплатился своим телом?

Тринадцатый принц с улыбкой обвил шею Цинь Бучжоу, его гибкие руки обвились вокруг него, как змеи. Принц был известен своими наклонностями, и его слова были лишь попыткой разозлить генерала. Увидев, что Цинь Бучжоу не отрицает, он был приятно удивлен.

Тринадцатый принц усмехнулся:

— Такой мужчина, как он, в постели, должно быть, очень скучен. Моя техника... намного лучше, чем у Сяо Лосюя. Не хочешь попробовать?

Он кончиками пальцев распахнул ворот одежды Цинь Бучжоу, с жадностью разглядывая крепкую грудь мужчины. Цинь Бучжоу был безупречен во всем, а его властная аура действовала на принца с непреодолимой силой.

В отличие от Да Юэ, где все были вынуждены воевать, люди Цинь умели играть на чувствах и использовать свои преимущества. Тринадцатый принц, растрепанный, с обнаженным плечом, горячо дышал в шею Цинь Бучжоу:

— Раз уж ты решил стать оружием, выбери себе хозяина, который будет тебя ценить. По крайней мере, я не отправлю тебя на опасную передовую.

Юноша был гибок, в красном наряде для верховой езды, с распущенными черными волосами, тонкими бровями и нежной кожей. Его алые губы слегка изогнулись в улыбке, способной похитить душу.

Вид покорности и соблазна — именно то, что когда-то больше всего интересовало Цинь Бучжоу.

— Хозяин? — Цинь Бучжоу намотал прядь волос принца на палец. — Ты?

В его голосе послышались нежные нотки. Тринадцатый принц на секунду расслабился, но тут же был схвачен: мужчина заломил ему руку, которой тот пытался достать кинжал из ножен, и резко дернул. Кинжал упал, а хруст кости запястья прозвучал в пустом шатре оглушительно. Лицо принца исказилось от боли, по лбу градом покатился пот.

— Привести сюда охрану, — Цинь Бучжоу, глядя на вбежавших охранников, медленно поправил рукава, сел на кровать, подперев щеку рукой. — Охрана никудышная, получите по двадцать ударов палками.

— Слушаюсь.

Охранники опустили на колени, а затем схватили принца с обеих сторон.

— Постой, Цинь Бучжоу! — Тринадцатый принц, не ожидавший такого унижения, стиснул зубы. Его глаза горели яростью. — Твоя кровь беспокойна, ты потерял свою внутреннюю силу! Я помню, как мой отец разбил твой меридиан Лунного Родника. Ты прекрасно знаешь, что будет, если нет внутренней энергии... И ты все равно хочешь быть псом того, кто стал причиной твоей слабости?!

Цинь Бучжоу склонил голову набок, моргнул и, глядя на разъяренного принца, медленно улыбнулся:

— И что с того?

Его улыбка светилась таким сиянием, что принц на мгновение замер, забыв о своей ненависти.

— Вино Хуанань, тысяча золотых — это не стоит моего желания. Я вернулся на север, потому что хочу подчиняться ему. Ему нужна была сталь — и я стал сталью в его руках.

В юности Цинь Бучжоу был жесток, нажил множество старых ран и головных болей, поэтому поклялся не возвращаться на север.

Но то был прежний генерал-регент, а не он нынешний.

Все думали, что это маленький император заставил Цинь Бучжоу вернуться на войну, включая советника Вэй Чу. Но на самом деле именно Цинь Бучжоу хотел на север. Если бы Сяо Лосюй не знал его характера, он бы ни за что не позволил ему уйти.

Хочет он быть клинком или нет — это личное дело Цинь Бучжоу. Тех, кого он не желал слушать, он не удостоил бы вниманием, даже приставив дуло к голове.

Сяо Лосюй знал это, но они никогда не оправдывались перед другими. Люди всегда охотнее верят в то, во что хотят верить.

Вместо правды о том, что император и генерал поклялись быть вместе до конца, окружающим было легче верить в домыслы о взаимной неприязни и притворстве.

Цинь Бучжоу жил дерзко, ему не нужно было понимание толпы. Говорят, в этой жизни достаточно найти пару верных друзей. Для Цинь Бучжоу одного Сяо Лосюя было более чем достаточно.

Кровные узы в императорской семье Цинь были слабы. Тринадцатый принц в момент пленения стал отработанным материалом. Вэй Чу не смог вывести у него ничего ценного и приказал покончить с ним. С этого момента Да Юэ перехватило инициативу.

Прошло два года. С весны двенадцатого года эры Минжуй до осени четырнадцатого года война на севере наконец стихла. Благодаря храбрости солдат и поддержке народа, Да Юэ удалось продержаться до отступления вражеских сил.

Хотя Да Юэ и понесло потери, северные страны пострадали не меньше. В день отступления они прислали письмо с предложением мирных переговоров.

Армия возвращалась с триумфом. Все были уставшими, но счастливыми. Цинь Бучжоу привык есть и спать вместе с солдатами, видя их радость, он не мешал им и часто стоял в стороне, наблюдая с улыбкой.

Когда до столицы оставалось полдня пути, армия остановилась в соседнем городе. Адьютант в недоумении приоткрыл полог шатра:

— ...А где генерал?

Вэй Чу с досадой потер переносицу:

— Разумеется, помчался обратно к своему красавцу.

— Генерал собирается жениться? Какая радость! — адъютант сначала удивился, а потом расплылся в улыбке. Он занял место Чжу Шу, которого убрал Цинь Бучжоу, и искренне восхищался генералом.

— ...Эх, — Вэй Чу глубоко вздохнул. — Если бы это было так...

Посмотрев на адъютанта, он снова вздохнул про себя: блаженны неведающие...

А в это время Цинь Бучжоу уже во весь опор мчался к столице.

Сначала он не чувствовал ничего особенного, но чем ближе была столица, тем сильнее становилась необъяснимая потребность вернуться.

Когда он был далеко, он редко вспоминал Сяо Лосюя.

Но как только все утихло, он легко представлял себе несравненно прекрасное лицо юноши и его сияющие персиковые глаза. Цинь Бучжоу редко чувствовал настоящий покой, и те редкие моменты, когда он его обретал, были связаны с Сяо Лосюем.

Точнее, с тем моментом, когда он заключал его в свои объятия.

Цинь Бучжоу доскакал до дворцовых ворот, соскочил с коня, бросил поводья стражнику и направился внутрь. Стражники удивленно переглянулись, но не посмели остановить этого демона и лишь опустились на колени.

Серебряные доспехи были пропитаны кровью, длинный меч стал еще острее. Цинь Бучжоу не успел сменить военную форму и, окутанный аурой убийства, дошел до покоев императора. Никто не посмел преградить ему путь.

Когда он остановился у входа во внутренний двор, евнух Ван удивленно расширил глаза, забыв даже поприветствовать его:

— Генерал... Вы?

Официальная встреча армии была назначена на завтрашнее утро, никто не ожидал увидеть Цинь Бучжоу сейчас. Или, вернее, даже евнух Ван не мог предположить, что Цинь Бучжоу проскачет несколько часов без отдыха, лишь бы увидеть маленького императора пораньше.

Цинь Бучжоу улыбнулся:

— Евнух Ван, давно не виделись.

Евнух Ван помедлил и тоже улыбнулся:

— Хорошо, что вернулись. — Он поклонился и спросил: — Нужно ли доложить Его Величеству о вашем прибытии?

— Не нужно, — подумал Цинь Бучжоу. Он отряхнул одежду, толкнул дверь и широким шагом вошел внутрь.

Сяо Лосюй спал на кушетке, положив на живот раскрытую книгу, подогнув ноги. Услышав шаги, он открыл глаза и увидел перед собой знакомые, желанные глаза.

Цинь Бучжоу остановился в дюйме от лица Сяо Лосюя, их дыхание смешалось. Холодный осенний ветер колыхнул волосы юноши. Сяо Лосюй казался ошеломленным, его взгляд следовал за мужчиной, не в силах оторваться.

Цинь Бучжоу, видя, как он изумленно смотрит на него, почувствовал долгожданную мягкость и ощущение дома. Казалось, где бы он ни был, этот человек всегда оставался на месте, тихо ожидая его.

— Что такое?

<http://bllate.org/book/21627/2231396>